

тамъ, много каравановъ сводилъ онъ къ святымъ городамъ; и много хадж-й погибаетъ въ пустынь въ тѣ полтора или два мѣсяца, которые они употребляютъ на переходъ, но никогда еще не погибалъ караванъ, предводительствуемый Абдъ-Аллоу.

— Аллахъ-архамту (Господь ихъ помиловалъ)! — говорилъ сѣдовласый старецъ, возводя глаза свои къ небу и благодаря Бога и великаго пророка. Только мерцающія звѣзды и темно-лазурное небо слышали молитву стараго хаджи. — Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его! — вотъ вся суть исламизма, его первая заповѣдь, основаніе его ученія. Эту заповѣдь готовъ денно и поочно исповѣдывать Абдъ-Алла и среди песковъ, и среди морей, и среди многочисленной толпы гяуровъ; за это онъ пойдетъ и въ огонь, и въ воду, не побойтса принять самую смерть. Онъ знаетъ весь коранъ, ниспосланный Богомъ великому пророку чрезъ архангела Гавриила; всѣ сто-двадцать вуръ этой божественной книги знаетъ наизусть старый Абдъ-Алла. Не десятую часть имущества, какъ повелѣваетъ коранъ, а девять-десятыхъ раздалъ нищимъ Абдъ-Алла и не жалѣетъ о томъ. Къ чему ему всѣ прелести міра сего, когда его страстное ожиданіе — пророкъ! Ради его, онъ сталъ и хаджею, и шейхомъ. Всѣ семь членовъ тѣла своего бережетъ отъ грѣха Абдъ-Алла, чтобы достигнуть благочестія, безъ котораго, говорить Магометъ, лучшими дѣлами нельзя угодить Богу. Уши, глаза, языкъ, руки, ноги, животъ — сдѣлаются вратами ада, если не смотришь за ними. И вотъ Абдъ-Алла, храбрый воинъ, мужъ десяти женъ, упивавшійся въ крови и сладострастіи уже сорокъ лѣтъ, больше не преклонитъ уха своего ко жи или непристойнымъ рѣчамъ и не посмотритъ на то, на что запрещено смотрѣть доброму мусульманину. Не только на женскія прелести не засмотрится старый шейхъ, но онъ отворачивается даже отъ тѣла голаго мужчвыны. Выше колѣна не добро смотрѣть истому муммэину (правовѣрному), и Абдъ-Алла всегда отвернется, когда Ахмедъ обнажается въ глазахъ мусульманина до неприличія, хотя мой проводникъ грѣетъ только свой животъ. Тридцать лѣтъ уже отказался старый хаджа отъ жены и не смотритъ вовсе на женщину, хотя коранъ дозволяетъ самому примѣрному мусульманину имѣть до четырехъ законныхъ женъ. Языкъ Абдъ-Аллы свободенъ ото жи, клеветы или злословія; рука его никогда не освернилась въ продолженіе сорока лѣтъ прикосновеніемъ къ чему-нибудь нечистому, нога не совершила умышленно того же грѣха и не вошла туда, куда не слѣдуетъ ходить мусульманину; не погрѣшили